

ГЛАВА 1

Яркое, будто пламя, солнце в зените. Тридцатиградусная жара; выцветшее голубое небо. Но кто станет торчать на солнцепеке, если можно спрятаться от палящих лучей? В тени даже чувствовался бодрящий утренний ветерок. Представить себе лучшей погоды в здешних краях в это время года было просто невозможно. Но, к сожалению, все в этом мире переменчиво и недолговечно. Внезапно налетевший ветер поднял, закрутил смерчем пыль, бросил ее на выгоревшую, отслоившуюся краску стен, погнал по улицам. Из-за крыш домов выползли темные тучи. Вдалеке слышались глухие раскаты грома. Вот-вот должна была начаться гроза.

Седовласый офицер афганской армии даже не удосужился посмотреть вверх, все его внимание было приковано к площади, а потому сгоряча принял безобидные раскаты грома за взрывы. По его команде полтора десятка военных вскинули автоматы и тут же взяли на прицел собравшуюся на центральной площади города небольшую толпу.

От праздничного настроения, царившего в ней минутой ранее, теперь не осталось и следа. В глазах собравшихся читались волнение и страх, словно загипнотизированные смотрели они на черные стволы «АКМов».

Заезжему туристу, впервые оказавшемуся в Кабуле, действия афганских военных могли показаться излишними, ведь человеку, привыкшему слышать звуки мирной жизни, было очевидно, что никаких взрывов и в помине нет — ни тебе огня, ни дыма. Простые капризы природы. Но в столице сегодняшнего Афганистана свой уклад жизни. Тревога не покидает жителей ни на секунду. Тут почти каждый день совершаются теракты, и к любому шуму, будь то взорвавшаяся петарда или безобидный салют из огнестрельного оружия по поводу рождения мальчика в семье, за последние годы привыкли относиться настороженно. К тому же на площади, где собрались несколько сотен людей, шло торжественное открытие выставки старинных исламских манускриптов и кисв, организованной российским посольством в Афганистане. А, как известно, русских в этой восточной стране не слишком-то любят и жалуют. Так что опасения и поспешный приказ офицера понять было можно.

Из-за карнизов домов плотной пеленой выплывали грозные тучи. Как губки, впитавшие грязь, они завешивали небо над столицей Афганистана. Еще один далекий раскат сотряс воздух.

— Это гром! — выкрикнул кто-то из толпы, не выдержав абсурдности сложившейся ситуации. — Это просто гром!

Слова горожанина почти сразу же подтвердил сверкнувший над крышами разряд молнии. Офицер смахнул рукой накатившие на лоб капли пота и отдал команду: «Отставить!» Солдаты, все как один, опустили автоматы. Площадь взорвалась радостными возгласами и криками. На головы горожан посыпался мелкий дождь.

Второй секретарь российского посольства в Афганистане, на жизнь которого уже однажды безуспешно покушались исламисты, решил на этот раз перестраховаться и скомкал концовку своей торжественной речи. Деликатно сославшись на срочное дело, дипломат, окруженный кольцом плечистых телохранителей, быстро спустился с помоста. Его темно-коричневый «Мерседес» с российским флажком на капоте под гул толпы пересек наполненную людьми площадь и исчез из виду.

Место перед микрофоном занял высокий пожилой мужчина в черном классическом костюме, советник российского посла по культуре. Несмотря на свой довольно простецкий и добродушный вид, Петр Владимирович Баренцев слыл хорошим оратором и эрудитом-востоковедом, умевшим заинтересовать практически любую публику. Его знания в области восточной культуры и религии вызывали уважение даже у здешних профес-

соров истории и теологов, его неоднократно приглашали выступить с лекциями перед местными студентами. Особенно славился он цитированием к месту средневековых поэтов в оригинале — на фарси.

Но выступление Баренцева не успело даже толком начаться — усилившийся дождь вынудил организаторов мероприятия объявить, что речь будет произнесена уже на самой выставке. Срочно свернули звукоусиливающую аппаратуру и перенесли ее под крышу здания. Вход в школу-медресе, где разместилась выставка исламских манускриптов и кисв, привезенная из Казани, перегородили двое высокорослых парней из охраны российского посольства.

Желающих попасть на выставку было достаточно много. Большинство из привезенных экспонатов никогда ранее не пересекали российской границы, но во избежание диверсий и хищения ценностей внутрь пропускали лишь тех, кто имел при себе специальный пригласительный билет, выданный российским посольством. По этой причине крыльцо мусульманской школы быстро обросло десятками возмущенных, пытавшихся всеми правдами и неправдами попасть внутрь: кто-то ссылаясь на знакомых среди устроителей, кто-то говорил, что забыл пригласительный дома. Мол, не предупреждали, что его обязательно надо иметь при себе... Но охранники оставались невозмутимыми.

мы, довольно бесцеремонно преграждая вход непрошеным гостям.

На подступах к актовому залу, где была выставлена основная часть экспонатов, приглашенных встречали трое живописных бородатых музыкантов в войлочных колпаках и в халатах ковровой расцветки. Один из них ловко перебирал струны народного афганского инструмента домбры, второй, не жалея легких, дул в сурну. Хлопая то в ладоши, то по бубну, третий напевал заунывную песню, мотив которой отдаленно напоминал нетленный хит «Подмосковные вечера». По крайней мере, такие ассоциации возникали, как правило, у россиян, которым на афганской выставке хотелось услышать что-то родное, русское, и они готовы были уловить знакомую мелодию даже в народной пуштунской песне.

По периметру зала, из которого в коридор вынесли все ряды кресел, размещались в специальных пеналах с пуленепробиваемыми стеклами старинные исламские манускрипты и кисвы. Передвижную выставку оборудовали и смонтировали по последнему слову музейной техники. Каждый пенал представлял собой автономное устройство с собственным питанием. Миниатюрные лампочки, вмонтированные в поддоны пеналов, отбрасывали на экспонаты тусклый загадочный свет, отчего казалось, что от них исходит божественное свечение.

Политический подтекст выставки был очеви-

ден. Вот, мол, в России в отличие от Запада есть собственные мусульманские традиции, которые чтят и уважают.

Привезенные из Казани — одного из основных мусульманских центров России — кисвы и манускрипты представляли собой не только историческую, но и большую материальную ценность. Стоимость некоторых кисв — шелковых покрывал с вышитыми на них цитатами из Корана — доходила до сотни тысяч долларов. А старинным манускриптам, написанным анонимными каллиграфами древности, вообще не было цены. Конечно же, содержание и демонстрация этих ценных экспонатов требовали тщательной охраны и ухода за ними.

Именно поэтому в каждом из пеналов существовала собственная система температурного контроля, оберегавшая предметы религиозного культа от воздействий внешней среды. Что же касалось охранных мер, то каждый из экспонатов находился под сигнализацией, в случае срабатывания которой здание немедленно блокировали бы афганские военные. Но для большей надежности внутри школы-медресе дежурили десяток русских охранников из посольства.

Собравшаяся на выставке публика была интернациональной и разношерстной. Помимо сотрудников российского посольства, присутствовали несколько западных дипломатов, представители исламского духовенства и местные чиновники,

афганская интеллигенция. Последние, разодетые в длинные до колен рубахи с разрезами по бокам и в подпоясанные кушаками штаны, с важным видом прохаживались по залу, переговаривались и листали выданные им у входа красочные буклеты. Двое репортеров из столичной газеты делали записи в блокнотах, с досадой поглядывая на фотоаппараты, пользоваться которыми на выставке было строго запрещено.

Утомленный многочисленными интервью, советник по культуре Петр Владимирович Баренцев, положивший два месяца работы на организацию выставки, убедился, что все идет своим чередом — его помощники по выставке заняли гостей, — и решил немного передохнуть. Особенно измотали последние два дня, когда контейнеры уже были доставлены в Кабул. Приходилось решать массу мелких вопросов, которые возникали буквально на ровном месте. Отыскав в соседнем с залом коридоре мягкий кожаный диван, он с удовольствием ослабил узел галстука и опустился на мягкие подушки. По изнеможенному телу пробежала приятная дрожь. Клонило в сон. Но позволить себе вздремнуть советник по культуре не мог — вскоре предстояло вернуться к гостям.

«Было бы неплохо выпить чашечку кофе», — посетила его мысль.

— Мне неудобно об этом просить, Петр Владимирович, но не могли бы вы на короткое время за-

менить меня в зале? — неожиданно прозвенело в ушах Баренцева.

Перед советником стояла брюнетка в максимально закрытом черном вечернем платье со стразами. Густые волосы молодой женщины стягивала косынка. Губы цвета переспелой вишни в сочетании с рубиновыми сережками смотрелись на ее белом лице просто восхитительно. Обладательницу шикарных пышных волос и стройной фигуры звали Мариам Юсуфовна Воронцова. Правда, обычно коллеги называли ее Машей или Марией. Русская фамилия досталась татарке от мужа. Как хранительница Казанского музея, она отвечала за подбор и сохранность всех представленных на выставке экспонатов. От того дня, как было принято решение о проведении выставки, Баренцеву пришлось раз сто поговорить с ней по телефону, убедиться, что она толковый специалист. Впечатление только усилилось при встрече в Кабуле, и теперь ему казалось, что они знакомы минимум несколько лет.

— Что-то случилось? — забеспокоился советник, прочитав на лице женщины волнение.

— Если вы о выставке, то все в порядке, — ответила она, — просто мой семилетний сын остался в посольстве, а через час его надо кормить.

— А, вы про Мишу... — успокоительно махнул рукой Петр Владимирович, — на этот счет можете не беспокоиться. Ваш сынишка уже накормлен и находится здесь, в комнате отдыха. Я наказал мо-

ей секретарше, чтобы она заняла его какой-нибудь игрой. Конечно, если вы хотите повидаться с ним лично, я могу...

Мариам расплылась в улыбке.

— Даже не знаю, как вас и благодарить. Большое спасибо за хлопоты.

— Ну что вы?! Заботиться о сотрудниках — это моя работа, — улыбнулся в ответ Баренцев, — кстати, Мариам Юсуфовна, я хотел с вами кое о чем переговорить. Думаю, сейчас для этого настал подходящий момент. Вы не против?

— У меня есть несколько свободных минут, — бросив взгляд в сторону афганских чиновников, столпившихся у журнального столика с мусульманской литературой российских издательств, ответила молодая женщина и тут же добавила: — Кстати, можете называть меня просто Маша. Так я чувствую себя более комфортно.

— Хорошо, Маша, — прокашлялся советник, — наверное, вы уже поняли, что на самом верху принято решение расширить наше культурное присутствие в Афганистане. Так сказать, в противовес военному присутствию стран коалиции. Выставка — лишь одно из первых мероприятий. Пробный шаг. А я уже достиг пенсионного возраста. За десятилетия работа в посольствах стала для меня смыслом жизни. Так сказать, своеобразный наркотик, обойтись без которого в дальнейшем мне будет очень сложно.

Молодая женщина понимающе кивнула.

— Для меня моя работа тоже — смысл жизни.

— Непросто отыскать в России человека, хорошо знакомого с культурой Востока, знающего арабский язык и литературу. Обычно недостает одного компонента.

— Не скромничайте, вы как раз один из таких людей.

— Но силы уже не те. В скором времени штат посольства увеличат, мне будет положен помощник. Старые уходят, и их место занимают молодые. От этого никуда не деться — закон жизни. И я понимаю, что в перспективе найти человека на мое место будет не просто. Особенно не хотелось бы, чтобы его занял какой-нибудь сын влиятельного чиновника, по протекции поступивший и окончивший МГИМО, который даже не сможет отличить мечеть от церкви. Такие мне встречались. Но, к счастью, я сам могу подсказать кандидатуру своего помощника, которому в будущем, чем черт не шутит...

Мариам Воронцова хлопнула ресницами. Ее догадки, которыми она мучила себя несколько последних дней, начинали оправдываться.

— ...я уверен, что никто лучше вас не справится с этой работой, — закончил Баренцев и вопросительно посмотрел на Машу.

— Это так неожиданно... — Женщина была вне себя от радости, но внешне, как и полагается по правилам приличия, выражала на лице удивле-

ние. — У меня нет дипломатического образования.

— Во-первых, это исправимо. Можете мне поверить, работать здесь — одно удовольствие. Нужно только понимать и любить людей, живущих в этой несчастной стране. И во-вторых, главное — не специальное образование дипломата, а знание культуры, тонкостей религии. Решайтесь, я помогу.

— Честно говоря, я боюсь что-то менять в жизни.

— Не побоялись же вы поехать сюда с выставкой. И даже взяли с собой маленького сына.

— Его было не с кем оставить. У меня теперь нет мужа.

— Знали бы вы, каких усилий стоило мне добиться, чтобы вам разрешили приехать с ним в Кабул! А все потому, что вы, Мариам, — уникальный специалист. Вас нечем было заменить. Я могу хлопотать, чтобы вам с сыном предоставили хорошую служебную квартиру в центре Кабула. Три комнаты, прекрасный вид на город...

— А как же быть с моей работой, домом? Ведь, переехав сюда, я оставлю все в Татарстане. Придется начать жизнь с нуля. Я уже один раз это проходила.

— Ничего страшного. Когда-то и я бросил все, чтобы начать новую жизнь. А мне прочили большое будущее в науке. Как видите, ни о чем не сожалею. К тому же вы молоды и красивы. Вам все

козыри в руки... Конечно, я вас не тороплю с ответом. День-два у вас есть.

— Я подумаю над вашим предложением, — уже заранее зная ответ, произнесла молодая женщина.

— Вот и отлично. Надеюсь, вы примете правильное решение. И не станете потом жалеть о неиспользованном шансе.

Продолжая вести экскурсию, Маша уже размышляла о перспективах, которые откроет перед ней ее новая работа помощника советника посла по культуре при российском посольстве в Афганистане. Для молодой женщины, работавшей в Казанском музее, это, конечно же, был головокружительный взлет карьеры, единственная возможность изучить культуру Востока не по книгам, а «вживую»...

— Извините, а к какой школе златоткачества принадлежит это старинное покрывало? — прервал ее мысли один из западных дипломатов.

— Исфаханская школа, пятнадцатый век... Редкое явление, когда в золотом шитье в орнаментах просматриваются не только растительные мотивы, но и стилизованные под цветы рыбы.

Взгляд хранительницы неожиданно остановился на одном из афганских музыкантов, который уже освободился и теперь неторопливо ходил по залу, делая снимки небольшим цифровым фотоаппаратом. Его движения были настолько осторожны, что охрана ничего не замечала. К тому же

фотоаппарат щелкал бесшумно и без вспышки. Наверное, если бы не острая наблюдательность Маши, выработавшаяся у нее за годы работы в Казанском музее, «фотограф» так бы и остался незамеченным.

— Прощу извинить, мне надо срочно отойти. Надеюсь, что все интересующие вас сведения об экспонатах вы отыщете в комментариях к буклету. Если же заинтересует еще что-то — обращайтесь, — ответила дипломату хранительница и быстрым шагом направилась к излишне любопытному музыканту.

— Вы ознакомлены с правилами выставки? — по-английски спросила Мариам как раз в тот момент, когда афганец готовился сделать очередной снимок, и тут же повторила вопрос по-арабски.

Мужчина застыл на месте, словно его застукали за воровством продуктов в супермаркете. Его наголо выбритый затылок моментально покрылся потом. В глазах мусульманина вдобавок ко всему читалось непонимание: женщина, по его мировоззрению, просто не могла первой обратиться к мужчине. Если, конечно, он не был ее отцом, братом или мужем. К тому же наверняка его переключило от одного и того же вопроса, заданного на двух языках.

— Да, — прозвучало тихо и невнятно.

— Тогда почему вы их нарушаете?

— Приношу глубочайшие извинения. — Муж-

чина медленно повернулся к Мариам лицом, по-английски он говорил вполне сносно.

Маленькие черные глазки, которые, казалось, вот-вот исчезнут за длинной челкой, постоянно бегали из стороны в сторону. Толстые губы, еле выглядывающие из-за густой короткой бороды, немного дрожали. Было видно, что мужчина нервничает, хотя и пытается это скрыть.

«Такое ощущение, что он сейчас бросится убежать, — мелькнуло в голове у Марии, — даже как-то жалко его. Проступок невелик, но таковы правила».

— Дайте мне на минутку свой фотоаппарат.

Мужчина тут же выполнил требование сотрудницы выставки.

— Я думал, что запрет не такой строгий и не распространяется на любительские съемки.

— У вас в памяти аппарата только снимки с выставки?

— Нет, но можете уничтожить все. Так будет быстрее.

Мария быстро стерла все снимки, записанные на флеш-карте фотоаппарата, и вернула его бородачу.

— Будь на моем месте охранник, он давно бы уже выпроводил вас на улицу.

— Большое вам спасибо, — перевел дух мужчина, поняв, что он еще легко отделался. — Кстати, меня зовут Наджибул Бурталава. Я преподава-

тель истории... — говоривший замялся, — одного из провинциальных университетов.

Женщина списала расплывчатый ответ на волнение и представилась:

— Мариам Воронцова, хранительница Казанского музея, того самого, экспонаты которого вы только что фотографировали, — саркастически заметила она, — кстати, можно узнать, почему университетский преподаватель истории играет в одной группе с музыкантами? Если не хотите, можете не отвечать. Мне просто любопытно.

Мужчина ухмыльнулся — на его лице не осталось и следа от волнения.

— Игра на домбре — мое хобби и моя вторая работа. Каждый месяц мы с товарищами ездим с гастролями по городам Афганистана, зарабатываем деньги. Ведь на одну зарплату преподавателя семью не прокормишь. Другое дело — у вас, в Европе.

— У нас в России с зарплатами тоже не ахти, особенно преподавательскими, — ответила женщина и протянула бородачу буклет, — берите, тут фотографии всех экспонатов. Так что можете не переживать, что я удалила ваши снимки. Просто право на распространение изображений раритетов на территории Афганистана мы передали вашему Министерству культуры. Приходится соблюдать договоренность.

Безобидное лицо профессора, которое еще

мгновение назад вызывало жалость, стало вдруг напряженным.

— Это возмутительно! — рассматривая портрет российского востоковеда на последней странице буклета, захлебываясь слюной, приговаривал бородач, — вы, как я понимаю, мусульманка и должны знать, что изображения людей и животных в исламе запрещены.

— Я только писала некоторые тексты и составляла каталог, — спокойно ответила женщина, — а сам буклет печатался в Твери. Скорее всего оформитель не потрудился учесть эту тонкость. Экспонаты хоть и имеют отношение к религии, но выставка — мероприятие светское.

— Это.. Это.. — Бородач не находил нужных слов.

«Странный он какой-то... Для преподавателя в светском учебном заведении слишком ортодоксален».

Неожиданно раздался слабо различимый шум, исходивший то ли снизу, то ли из-за стен. Разобрать откуда было невозможно. Присутствующие в зале гости стихли, прислушиваясь к нарастающему шуму, медленно переходящему в гул. Казалось, что неподалеку от здания заходит на посадку большой авиалайнер.

— Землетрясение, — только и успел крикнуть преподаватель истории и со всех ног побежал к выходу.

В зале началась всеобщая паника. Толкая друг

друга, люди бежали на улицу. Поскольку единственной женщиной на всю выставку была только Мариам, а она бросилась в глубь здания искать своего сына, то мужчины повели себя совершенно не по-джентльменски, пихая и отталкивая друг друга на пути к выходу. Стены и пол вибрировали, посыпалась на пол штукатурка. Здание сотрясало, как отсек транспортного самолета, попавшего в восходящий поток воздуха.

Даже охранники, которые по логике вещей должны были успокаивать людей и организованно выводить их на улицу, сами спасались бегством. Лишь Баренцев да директор Казанского музея стояли в оцепенении, не отрывая глаз от исламских манускриптов и кисв. Желание покинуть сотрясаемое подземными толчками здание, которое в любое мгновение могло сложиться как карточный домик, было велико, но должности заставляли подумать об экспонатах и о людях.

— Помогите Маше забрать ее сына. А я пока попробую организовать спасение экспонатов, — самоотверженно произнес директор.

— Лучше спасайтесь сами. — Баренцев бросился вслед за Воронцовой.

Материнский инстинкт сработал безотказно. Сбросив туфли на каблуках, Мариам побежала к двери комнаты отдыха. Грохот, треск, крики — всего этого женщина не слышала, все лишние звуки мозг попросту отключил. Как в немом кино, беззвучно осыпалась штукатурка. Она рванула на се-

бя перекошенную в коробке дверь, та не подда-лась. Подоспевший Баренцев ударил в дверь плечом. С хрустом проломилась фанерная вставка.

— Через окно! — крикнул он хранительнице, хватая перепуганного мальчишку.

— Все в порядке, Миша. — Поставив ребенка на мокрый асфальт площади, женщина вместе с горожанами наблюдала за вибрирующими стенами здания.

Где-то там внутри все еще находился директор Казанского музея, оставшийся до последнего охранять экспонаты. Возможно, пытался вскрыть электронными ключами тяжелые контейнеры и вынести то, что мог удержать в руках. С соседних улиц уже доносились завывания сирен машин «Скорой помощи» и спасателей. Оставалось надеяться на то, что здание все же выстоит и ценные исламские экспонаты не окажутся погребенными под каменными блоками школы-медресе.

* * *

Час пик в Москве, как и в других мегаполисах мира, наступает с приближением сумерек. Особенно это ощущается в центре столицы. Сотни машин стоят в больших пробках, длина которых подчас достигает нескольких километров. Водители нервничают, изредка давят на клаксоны, будто от этого что-то изменится, ругаются. Дорожные инспекторы делают вид, что не слышат и не видят

этих нарушений порядка, махают жезлами, стараюсь возобновить движение. Но, как правило, их усилия — лишь видимость действия, а пробки рано или поздно рассасываются сами собой.

Как раз в одну из таких пробок на Каширском и попал черный лимузин с трехцветным пропуском на лобовом стекле. Длинному автомобилю было трудно лавировать в густом потоке машин, не помог даже милицейский «Форд» сопровождения с включенными мигалками. Водитель правительственного автомобиля постоянно давил на тормоза, чтобы не стукнуться капотом в багажник ментовского «Форда».

— Пропустите! Повторяю, пропустите, примите вправо, освободите проезжую часть!.. — вылетало из громкоговорителя машины сопровождения.

Но толку от просьб, предупреждений и угроз было мало. Поток машин уже замедлился до скорости ленивого пешехода, в соседних рядах не оставалось свободного места, чтобы перестроиться. «Обычные смертные» ехидно поглядывали на темневшие за тонированными стеклами лимузина силуэты пассажиров. Мол, и кремлевским «небожителям» приходится разделять прелести народной жизни.

— Ненавижу это время суток, — бросил пассажир лимузина — мужчина с маленькими и ухоженными, точь-в-точь как у киношного Эркюля Пуаро, черными усиками.

— Совершенно с вами согласен, Андреевич, — вторил ему генерал в штатском, — хоть на вертолеты пересаживайся. Машин в Москве развелось...

— Вертолеты? Скоро так и будет. В Нью-Йорке наши с вами коллеги в основном по воздуху и передвигаются.

Некоторое время в салоне лимузина царило молчание. Андреевич коснулся указательным пальцем пухлой кнопки на ручке дверцы, посмотрел на генерала. Перегородка между задним сиденьем и водителем медленно поползла вверх.

— Знаешь что, Владимирович, стар я уже для усвоения таких «меседжей», — мужчина в сером галстуке положил на колени кожаную папку, — современные политехнологи такими терминами сыпят, что аж не по себе становится. Везде американские словечки и обороты.

— Можно подумать, ты их не понимаешь?

— Понять написанное несложно. Но за словами всегда суть стоит, которую этими словами скрыть пытаются. На, лучше сам посмотри. Как-никак, а ты с политехнологами больше пересекаешься. По-моему, не дело они затеяли.

Генерал в штатском открыл папку, пробежался взглядом по тексту.

— Понятно... — хмыкнул себе под нос, — вот же дела. Из хорошего дела международный цирк задумали организовать. Я понимаю желание «кремлевских мечтателей» создать положительный об-

раз России в глазах афганского населения и всего мира. Вместо того чтобы задействовать транспортную авиацию для доставки гуманитарной помощи потерпевшим от землетрясения, решили пустить автоколонну МЧС с российской символикой, которая должна проехать через весь Афганистан. Мол, это раньше мы тут на танках ездили, а сейчас безвозмездную помощь раздаем. Так сказать, мир- дружба-взаимопонимание.

— Теперь понятно, что словечко «пиар» для них значит больше, чем дело. Пока помощь прибывает, может, она уже и не понадобится, — затушив сигарету в пепельнице, бросил мужчина в сером галстуке, — а что с охраной они придумали? Твое мнение?

— То, что конвой будут сопровождать российские десантники, — это неплохо. Но и тут им главное — обозначить в глазах граждан военное присутствие наших бравых парней в погонах и в этой точке земли.

— Прямо рекламная акция какая-то... В советские времена все было гораздо проще. Программа «Время» все, что угодно, могла до людей донести. Диктор сказал, значит, так оно и есть. Теперь же такой фокус не пройдет. Люди по несколько десятков телеканалов смотрят.

— Другое время, Андреевич, — ответил генерал. — Вот посмотришь, десантников они в последний момент решат переодеть в форму МЧС.

Иначе получится, что мы как бы вместе со странами коалиции действуем.

Пробка медленно рассасывалась. Лимузин, сопровождаемый милицейской машиной, набрал скорость. Теперь государственные мужи вновь могли почувствовать себя избранными. Попутные машины расступались перед ними, как льдины пред ледоколом.

* * *

Над водой стелился густой туман, превращенный рассветными лучами в пламенеющее зарево. В его огненной дымке с трудом просматривался длинный мост на бетонных столбах-опорах, соединяющий два берега Амударьи. Несмотря на раннее время, в обе стороны к нему уже тянулись длинные автомобильные очереди из фур и грузовых автомобилей. За мутными стеклами, усыпанными каплями грязи, виднелись заспанные лица дальнбойщиков, мечтающих только об одном — как бы поскорей доставить груз и вернуться домой.

Однако простоять в ожидании таможенного контроля на этом участке узбекско-афганской границы можно было и несколько суток. Пограничники с особой тщательностью проверяли каждый автомобиль, будь то легковушка или забитая под завязку грузом фура. Поблажек и исключений не делали ни для кого. И такая система приносила

неплохие результаты. Каждый день таможенниками изымались героин и «кокс», картонные ящики контрафактных сигарет, оружие и боеприпасы. В общем, погранпереход жил своей привычной, размеренной жизнью.

Вдалеке, сквозь пелену тумана засветились пока еще тусклым светом размытые круги фар. Послышалось урчание дизельных двигателей. Шум нарастал. Вскоре к мосту подтянулась колонна грузовиков, автобусов, сопровождаемая двумя вездеходами на базе БМП. Пограничники тут же убрали ограждение со свободной полосы, на которой обычно производился осмотр автомобилей, и взмахнули зелеными флажками. Практически не проходя проверок и прочих таможенных процедур, колонна «КамАЗов» пересекла узбекско-афганскую границу. Один из водителей дальнебойной фуры начал было возмущаться, но, увидев на бортах грузовиков символику МЧС России, понял, что это гуманитарный груз, который не подлежит лишним проверкам, и сразу же успокоился. Дело-то святое! Соседняя страна пострадала от землетрясения.

Майор спецназа ВДВ Лавров, заслуживший у бойцов почетную кличку Батяня, опустил на глаза солнцезащитные очки — в стеклышках с зеркальным напылением поплыло серое утреннее небо и дымка тумана. Замелькавший за бортом грузовика пейзаж вызвал у майора двоякие чувства. С одной стороны, вспомнилось кровопролитное

столкновение с талибами в горах, когда пришлось вывозить заложников, с другой — месяц, проведенный потом в военном госпитале в Кисловодске, когда он познакомился с симпатичной медсестрой. И вот спустя несколько лет он вновь оказался в Афганистане, правда, теперь в качестве сопровождающего гуманитарной колонны. В форме МЧС майор Лавров чувствовал себя неуютно, словно в чужую кожу влез.

Колонну для доставки гуманитарной помощи собирали в спешке. На формирование двух отделений десантников для ее охраны командование отвело Батяне лишь сутки. Коменданта миссии Лаврову представили лишь в Ташкенте на аэродроме — четыре часа назад. Колонна ровно мчалась по шоссе. Батяня решил первые километры проехать не в вездеходе, а в автобусе со спасателями, чтобы получше к ним присмотреться, понять, кто и чем дышит.

— Товарищ майор, разрешите обратиться!

Андрей Лавров оторвал взгляд от силуэтов гор, проступающих сквозь туманную дымку за окном автобуса, и посмотрел на молодого лейтенанта, сидевшего через проход от него.

— Обращайся. Чего тебе?

Лейтенант Авдеев наклонился поближе к своему комбату и, словно опасаясь, что его услышат настоящие эмчезсовцы, тихо спросил:

— Как нас встретят местные?

Батяня сразу понял, о чем спрашивает лейте-

нант. Не о хлебе с солью шла речь и не о торжественных встречах в городах.

— Думаю, пока мы движемся по северным провинциям, колонне ничего не грозит. Но, когда миссия будет останавливаться для отдыха, надо держать ухо востро, — подтвердил сомнения Авдеева майор и добавил: — А теперь, если ты не против, я побуду наедине со своими мыслями.

Авдеев отвернулся к окну. Ощутив движение в салоне, Лавров чуть скосил глаза — щуплый мужчина в форме эмчээсовца пробирался к нему. Спасатель был настолько щедушным, что его то и дело бросало от сиденья к сиденью, но он пытался выглядеть внушительно, как и подобает руководителю миссии — коменданту. Склонившись к лейтенанту, он негромко кашлянул, давая понять десантнику, чтобы тот уступил ему место. Как только руководитель миссии МЧС опустил на сиденье, Лавров почувствовал слабый запах спиртного.

— Так легче переносить дорогу, — чуть ли не шепотом оправдался тот, кого Лаврову представили Николаем Викторовичем Чагиным, — не хотите?

Майор покачал головой, возвращая мужчине флягу. Судя по запаху, в ней был коньяк.

— Поскольку я, как комендант, отвечаю за все, что происходит в нашей миссии, то с вами, как с командиром охранения, мне необходимо провести инструктаж, — прозвучало достаточно расплывчато и казенно. — До этого было мало време-